

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2021.83.52.016

Понятие беспомощного состояния потерпевшей при изнасиловании

Левандовская Мария Геннадьевна

Кандидат юридических наук, доцент,
Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: marusenka0610@yandex.ru

Аннотация

Внимание исследования направлено на определение и значение некоторых правовых понятий в виктимологии – междисциплинарной области исследований, затрагивающей изучение поведения жертвы до и после совершения преступления. В частности, в настоящем исследовании дается характеристика такому понятию, как «беспомощное состояние», а также определяется его роль в качестве явления, влияющего на совершение преступлений в отношении половой неприкосновенности. Автором указывается на слабость законодательного внимания к этому явлению и проблемам, которые возникают в правоприменительной деятельности судов по причине отсутствия точных, характеризующих его признаков. Кроме этого, с учетом логики выносимых решений дается последовательная оценка тому, насколько такое явление, как состояние беспомощности, может рассматриваться в качестве квалифицирующих признаков преступлений, предусмотренных ст.ст. 131, 132, 133 УК РФ. В контексте поставленных вопросов автором затрагивается аспект правовой конструкции этого явления, а также неоднозначность в определении его свойств со стороны Верховного Суда РФ. Основным выводом автора является убеждение о чрезвычайной гибкости рассматриваемого феномена, а также необходимости выработки его конкретных признаков, попутно включив полученное определение в перечень законодательно определенных дефиниций уголовно-правового характера.

Для цитирования в научных исследованиях

Левандовская М.Г. Понятие беспомощного состояния потерпевшей при изнасиловании // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 10А. С. 130-138. DOI: 10.34670/AR.2021.83.52.016

Ключевые слова

Преступление, изнасилование, малолетство, дееспособность, беспомощность, виктимология.

Введение

Гармония правового регулирования достигается учетом всех нюансов и обстоятельств той части выбранных отношений, которые подвергаются законодательной оценке, а также качественным анализом последующей реализации правил и принципов, полученных в ходе такого учета, и их применения на отношения схожего типа [Варламова, 2009, 212]. Между тем аксиоматичность данного подхода обусловлена тем, что законодатель не может изначально видеть все стороны рассматриваемого явления (действия), а потому и не вправе рассчитывать на то, что выбранный им путь регулирования приведет к правильному представлению о его объективных характеристиках или свойствах. Однако при формировании необходимой презумпции субъект социального регулирования не ограничен в праве опираться на уже имеющуюся оценку состояния такого явления, если его характеристика носит устоявшийся правоприменительный тренд. Здесь законодатель должен понимать, что необоснованный отход от уже выработанной модели правового видения может повлечь за собой деформацию всего правового пространства, а те признаки оценки обстоятельств (действий), которыми он руководствовался ранее, но решил нарушить (изменить) их логику, будут перманентно носить не просто двусмысленный, а дуалистический подтекст.

Основная часть

Авторы исследования данных вопросов отмечают, что несмотря на постоянную модернизацию уголовного законодательства, сопровождаемую не только совершенствованием механизмов наказаний, но и выведением новых форматов и понятий уголовно-правовой обусловленности, оценка некоторым из противоправных деяний дается сугубо неоднозначно и, прежде всего, без учета уже наработанных взглядов в правоприменительной практике и научной доктрине. С одной стороны, это говорит о том, что мы пока еще не пришли к идеальному представлению об их сущности, с другой – свидетельствует о необходимости согласованного подхода, прежде всего, в оценке признаков и свойства объектов правового регулирования [Бытко, 2018]. Так, автор диссертационного исследования «Психическое насилие: вопросы уголовно-правовой регламентации и квалификации» Л.Н. Клоченко, указывая на возникающую противоречивость в применении одних и тех же принципов в разных случаях, отмечает: «природа отношений, связанная с вступлением индивидов в более личную взаимосвязь, достаточно сложна, поскольку в ней затрагивается аспект особой нравственной (чувственной) основы. Учитывая это, законодателю приходится порой очень сложно дать оценку тем или иным явлениям (понятиям), которые сопровождают эту связь или являются ее неотъемлемой частью» [Клоченко, 2018, 100].

И, действительно, современное представление о легальном участии и роли партнеров в связи сексуального характера в значительной степени отличается от того представления, которое было основой ее оценки несколько лет назад. Нравственные ориентиры изменились и продолжают меняться, а вместе с ними изменились и признаки вышеуказанной взаимосвязи. Как следствие, правоприменительная логика в этом вопросе становится еще более неустойчивой, а правоприменителям все сложнее выбирать критерии для оценки возможных последствий ее (связи) развития. В таких случаях законодатель, стараясь рассмотреть различные ситуации, как правило наполняет нормативные предписания новыми квалифицирующими признаками, но, не сумев сформировать точное (полное) понимание некоторых сегментов отношений, может нарушить уже состоявшуюся правоприменительную логику в части

использования данных понятий в иной сфере применения уголовного закона. Отдельное внимание со стороны юридической науки приковано к определению и значению таких понятий в виктимологии – междисциплинарной области исследований, направленных на изучение поведения жертвы до и после совершения преступления.

Так, давая оценку беспомощному состоянию потерпевшего в уголовном праве, авторы исследований отмечают, что само по себе оно давно уже перестало представлять из себя некий элемент отдельных составов преступлений и с учетом современных реалий скорее составляет глобальную категорию не только материального, но и процессуального характера [Шикула, Костиков, 2021, 4]. В определенной степени это закономерно. В частности, в правовой доктрине креатура данного понятия получила разнообразное обозначение. В свою очередь, когда речь идет об оценке прежде всего преступлений, сопровождающихся совершением насильственных действий, отсутствие необходимой правовой определенности рассматриваемого явления создает некоторые проблемы в судебной практике, последовательно нарушая правоприменительную логику действия уголовного закона в данном вопросе. Например, к основным признакам данного понятия некоторые исследователи относят: состояние здоровья, возраст, пол и даже уровень умственного развития, тем самым связывая его сущность с теми статическими составляющими, которые, как правило, характеризуют личность в сравнении с иными участниками отношений [Попова, 2021, 458]. Здесь ученые больше склоняются к определению факторов, отражающих заведомую неспособность потенциальной жертвы защитить себя от внешней угрозы. Примером констатации рассматриваемой неспособности по указанным признакам в конкретном деле стало решение Шадринского районного суда Курганской области от 03 марта 2021 года, в котором судом была дана оценка виновности лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 105 Уголовного кодекса РФ (далее – Кодекс) именно по причине преклонного возраста жертвы и его состояния здоровья.

Другие определяют такое состояние в качестве переходного, от имеющегося к возможному, и в большей степени соотносят его устойчивость с такими факторами, как сила внешнего воздействия и личное поведение (действие или бездействие) жертвы [Контанистова, 2021, 65]. Такая позиция также обладает правом на развитие, так как само по себе состояние защиты не обязательно может затрагивать только природные свойства личности, но и быть следствием его активной позиции (активного использования этих свойств). К примеру, малолетний ребенок, имея возможность покинуть место предполагаемого преступления, может избежать негативных последствий, если своевременно оценит ситуацию и правильно выберет определенный тип поведения с учетом сложившихся условий.

Рядом авторов, которые стараются отличить такое состояние от иных категорий в уголовном праве, вообще делается вывод о невозможности выработки чего-то универсального (общепринятого), так как наука пока еще не может доказать или раскрыть все способности человека в принципе. Следовательно, конструкция выражения такого состояния, как беспомощное, всегда будет условной (находящей отражение в конкретных условиях отношений), взаимосвязывая его идентификацию как с личными качествами потерпевшего, так и с качествами его преступника. Это является причиной того, что в сфере применения норм уголовного права указанное понятие используется достаточно широко, но концептуального (предметного) определения не имеет. Так, в одном из своих постановлений Верховный Суд РФ, отражая ряд признаков, квалифицирующих преступность деяний по ст. 105 УК РФ, дал характеристику данному понятию с учетом следующих факторов: наличие тяжелого заболевания, достижение престарелого состояния, психическое расстройство лица,

неспособность лица оценивать происходящее. При этом суд последовательно исключил из числа указанных факторов такое состояние лица, как малолетство (п. 7). В свою очередь, в другом Постановлении, определяющим аналогичные признаки в преступлениях насильственного характера, Верховный Суд страны такой признак, как малолетство, признал наравне с престарелостью, одновременно присовокупив к ним: слабоумие, психическое расстройство, физические недостатки, а также болезненное либо бессознательное состояние жертвы. Из этого следует, что вопрос идентификации данного состояния в правоприменительной практике решается неоднозначно. В одном случае суд принимает малолетство как дополнительный признак, но не признает его в качестве состояния беспомощности, в другом (при совершении действий насильственного характера) – определяет обратное. Тем не менее такие состояния, как сон или алкогольное опьянение, если речь идет об убийстве, Верховным судом РФ в качестве беспомощных не рассматриваются. В свою очередь, при квалификации изнасилования и с учетом установления конкретной степени опьянения указанные состояния обязаны приниматься судами в качестве беспомощных (п. 6 Постановления).

В целом такое положение дел дает нам основание предполагать, что законодательное представление о силе, воздействующей на жертву убийства, несколько отличается от той силы или возможностей преступника, когда речь идет об изнасиловании. На наш взгляд, это обусловлено специфичностью методов совершения указанных преступлений, а также набором средств, которые преступник использует или может использовать в качестве достижения преступной цели. В частности, если исходить из практической составляющей применения указанных нами оснований, то становится понятным, что оценить возможность на защиту убитого лица намного проще, чем возможность изнасилованного. В особенности если представить, что и то, и другое будет реализовано на расстоянии. Убить человека на расстоянии (выстрелом, скинуть на голову тяжелый предмет и др.) вполне реализуемо, а вот изнасилование возможно только при непосредственном контакте с жертвой, и здесь понятие беспомощное состояние должно носить вполне понятные очертания. Учитывая признаки объективной стороны, изнасилование считается совершенным (оконченным) с момента начала полового акта, при этом отказ даже на стадии подготовки к нему уже исключает состав преступления. Следовательно, в ходе реализации задуманного у преступника в таком случае больше вариантов убедиться в том, кто находится перед ним, тем самым имея возможность не только определить возраст жертвы, но и другие дополнительные признаки, подпадающие под признаки определения беспомощности. Как показывает практика, большинство изнасилований совершается посредством взаимного согласия на общение, в ходе которого и реализуется противоправный контакт [Гонова, 2021, 81]. Именно в ходе такого общения, даже если деяние совершается спланированно, преступник имеет возможность достаточно полно взвесить последствия его развития, а также учесть, при каких обстоятельствах состояние жертвы точно не позволит ей оказать сопротивление.

Примером использования такого состояния может служить совершение насилия вследствие сна. Некоторые исследователи давно уже предлагают включить сон в перечень обстоятельств, способствующих наступлению состояния беспомощности [Шикула, 2021, 76]. Однако несмотря на то, что в судебной и следственной практике упоминание сна в качестве такого не является редким, законодательная логика пока еще не нашла своего развития в данных начинаниях. Полагается, что причиной этому служит то, что сон – это состояние, при котором человек не становится абсолютно беспомощным перед лицом опасности, а которое всего лишь временно

снижает его функциональную готовность к проявлению внешних воздействий, в том числе и направленных на причинение ему вреда. То есть, аналогия законодателя при оценке таких обстоятельств, как сон и состояние опьянения, неслучайна. Так, согласно определениям, данным в медицинских и иных источниках, состояние сна имеет следующие признаки: сон является наступающим явлением, которое возникает через определенный промежуток времени; во время сна большая часть работы психических и физиологических процессов замедляются до минимума, прекращается работа сознания; снижение до минимума (отсутствие) реакции на внешние раздражители [Балашов, 2015]. Подтверждается данная позиция и учеными, исследования которых затрагивали непосредственное влияния сна на психофизиологическое состояние человека в период его активной деятельности. К примеру, И.П. Павлов рассматривал сон в качестве состояния, в течение которого человек просто не способен оказать активное сопротивление во внешней среде. Более того, если человек находится в состоянии глубокого сна, его реакция на внешнее воздействие практически отсутствует. И уж точно то, что сон обладает «тормозящим» свойством физиологических и психологических функций в организме [Мирманова, Болонина, 2020, 9]. Следовательно, ранее на уровне судебной практики сон официально признавался в качестве обстоятельства, влекущего за собой состояние беспомощности. Однако непосредственно после принятия постановления Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» Верховный Суд РФ данное основание исключил. Более того, судом были даны разъяснения, что суды не вправе квалифицировать убийство, совершенное с использованием беспомощного состояния, признаком которого выступает сон потерпевшего. Аргументация состояла в том, что суды при квалификации преступлений и принятии решений совершают ошибки в оценке степени влияния данного обстоятельства на положение потерпевшего перед совершением преступления. Кроме этого, в этом же Постановлении Верховный Суд РФ пояснил, что сон является жизненно необходимым и физиологически обусловленным состоянием человека, и с учетом этого не может расцениваться как беспомощное состояние.

После такого публичного заявления возникло множество споров о том, является ли действительно сон беспомощным состоянием лица, а также были предприняты попытки распространить логику при оценке данного обстоятельства на иные составы преступлений, включая и преступления насильственного характера. Так, автор исследования «Изнасилование: проблемы уголовно-правовой квалификации» А.В. Дыдо, давая оценку возможности использования сна в качестве обстоятельства, образующего состояния беспомощности у жертвы, пришел к выводу о том, что сон не может рассматриваться в качестве такового из-за ограничения его временными (кратковременными) рамками, а также особенностей его физиологической взаимосвязи с контактом, непосредственно сопровождающим акт насилия [Дыдо, 2006]. Другая точка зрения была противоположной. В ней позиция Верховного Суда была подвергнута критике именно по причине того, что в ней не были учтены важнейшие стадии совершения преступления: приготовление и окончание [Попов, 2002].

По нашему мнению, решение Верховного Суда РФ об исключении квалифицирующего признака беспомощного состояния потерпевшего действительно является спорным. Потому что не так уж и часто возникают ситуации при совершении преступлений насильственного характера, когда потерпевшего намеренно вводят в состояние сна, в том числе и путем алкогольного опьянения. В данном случае рассматривается даже не сон как физиологической фактор потребности человека, а конкретно умышленное введение лица в такое состояние, либо осознанное понимание того, что такое состояние поможет, а в определенных случаях и

способствует (подталкивает) к совершению преступления. Важно помнить и то, что сам факт пробуждения не влияет на возможность признания способности лица в указанный момент защищать себя. Например, судебной практикой подтверждается, что состояние пробуждения в момент совершения насилия в отношении жертвы, прибывающей в состоянии сна, тоже стоит учитывать как беспомощное. Это обусловлено тем, что преступник, заведомо зная о том, что лицо находится в беспомощном состоянии, уже им воспользовался, а потерпевший в силу бессознательности по причине внезапного пробуждения не имеет возможности быстро среагировать и предотвратить возникшую ситуацию.

Еще одним примером из практики, который может служить доказательством неоднозначности такого явления, как состояние беспомощности, является ситуация, которая по сути затрагивает вопрос обмана при совершении действий сексуального характера, где важнейшим показателем отражения такого склонения будет введение в заблуждение жертвы относительно собственной персоны. В частности, к таковым можно отнести случаи, когда преступник выдает себя за другого человека, при этом состояние неспособности наступать не в силу очевидного, а в силу предполагаемого. Жертва введена в состояние невозможности определения того, что совершаемые в отношении нее действия являются ничем иным, как насилием (завязаны глаза, находится в темноте и др.), однако, в дальнейшем, убедившись, что ее партнер был лицом, с которым сексуальные отношения не предполагались, может установить факт обмана. Здесь необходимо понимать, что, рассматривая в качестве конструктивного признака преступлений, предусмотренных ст.ст. 131, 132 УК РФ, беспомощное состояние, следует учитывать, что вышеуказанные действия де-факто не признаются насилием, но являются альтернативным «modus operandi» (образом действий) преступника. Иными словами, в случае с преступлениями, направленными против половой неприкосновенности, признак беспомощного состояния может включать в себя и ситуации, характеризующиеся тайными или обманными приемами, в том числе и такие случаи, когда жертва идет на контакт сексуального характера осмысленно, без принуждения. Об этом косвенно свидетельствует позиция, выраженная в одном из решений, где указано на то, что в составе понуждения к действиям сексуального характера признак беспомощного состояния потерпевшего отсутствует, однако, это не говорит о том, что такой признак отсутствует там, где беспомощность обусловлена введением в заблуждение.

Заключение

Отталкиваясь от представленной критической оценки настоящего, необходимо заметить, что социальные отношения постоянно развиваются. Причем их динамическая основа охватывает все больше случаев, когда участники таких отношений сопровождают их разнообразие собственными нестандартными решениями. Это позволяет внести в русло законодательного внимания что-то новое о поведении субъекта отношений и, как следствие, настроить правовую систему координат таким образом, чтобы ее ориентация была способна давать объективную оценку всем возможным ситуациям. Между тем сфера применения норм уголовного права достаточно разнообразна и в определенной степени может сталкивать в себе различные интересы участников отношений. Как показывает практика, категоричность такого понятия, как «состояние беспомощности», в уголовном праве носит спорный (неустойчивый) характер. Являясь продуктом предметного правоприменения, оно не имеет четких правовых признаков и с позиции юридической оценки различных отношений постоянно меняется. В

данном случае поиск его универсального понимания отчасти является вопросом времени, а также последующего развития (или появления) новых нестандартных социальных ситуаций, их соответствующей оценки. Вместе с тем необходимо выработать конкретные и при этом взаимосогласованные между собой признаки такого понятия, включив полученное определение в спектр основных дефиниций уголовно-правового характера, попутно определив, какие именно ситуации с учетом их способности оказывать влияние на конкретные отношения (либо их прекращение) могут быть отнесены к тем или иным составам преступлений.

Библиография

1. Апелляционное постановление Московского областного суда № 22К-4989/2014 от 26 августа 2014 г. по делу № 22К-4989/2014.
2. Балашов С.М. Сон как состояние беспомощности // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 3. С. 104-109.
3. Бытко С.Ю. Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 196 с.
4. Варламова Н.В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 1 (282). С. 212-232.
5. Гонова Д.З. Некоторые проблемы квалификации насильственных половых преступлений // Студенческий. 2021. № 26 (154). С. 81-84.
6. Дыдо А.В. Изнасилование: Проблемы уголовно-правовой квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2006. 209 с.
7. Ключенко Л.Н. Психологические и правовые основы учения о психическом насилии // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2018. № 3. С. 100-111.
8. Контанистова Л.В. Беспомощное состояние как один из юридически значимых признаков поведения потерпевшего // Актуальные вопросы современной науки. Экономика, управление, право, педагогика, психология. М., 2021. С. 65-74.
9. Мирманова И.М., Болонина А.В. Сон. Влияние сна на психоэмоциональное, умственное, физическое состояние // Столица науки. 2020. № 9 (26). С. 9-12.
10. Попов А.Н. Преступления против жизни, совершенные при отягчающих обстоятельствах, относящихся к личности потерпевшего (пп. «б», «в», «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ). СПб., 2002. 192 с.
11. Попова А.А. Проблемы определения понятия «Беспомощное состояние» в квалифицированных составах преступлений против личности // Актуальные проблемы современного законодательства. М., 2021. С. 458-467.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».
14. Приговор Шадринского районного суда Курганской области № 1-25/2021 1-446/2020 от 3 марта 2021 г. по делу № 1-25/2021.
15. Решение Каневского районного суда Краснодарского края № 2-1812/2020 2-1812/2020~М-1981/2020 М-1981/2020 от 28 ноября 2020 г. по делу № 2-1812/2020.
16. Решение Каширского городского суда Московской области -№ 2-818/2020 2-818/2020~М-605/2020 М-605/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 2-818/2020.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021).
18. Шикун И.Р., Костиков С.Г. Теоретические и практические проблемы уголовно-правовой охраны прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии. М., 2021. С. 4.
19. Шикун И.Р. Уголовная политика в сфере уголовно-правовой охраны прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии: проблемы реализации // Право и практика. 2021. № 2. С. 76-80.

The concept of the helpless state of the victim of rape

Mariya G. Levandovskaya

PhD in Law, Associate Professor,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: marusenka0610@yandex.ru

Abstract

The study focuses on the definition and meaning of some legal concepts in victimology, which is an interdisciplinary field of research that affects the study of victim behavior before and after the commission of a crime. In particular, this study characterizes the concept of “helpless state”, and also defines its role as a phenomenon that influences the commission of crimes in relation to sexual inviolability. The author points out the weakness of legislative attention to this phenomenon and the problems that arise in the law enforcement activities of the courts due to the lack of precise characteristics that characterize it. In addition, taking into account the logic of the decisions made, a consistent assessment is given to the extent to which such a phenomenon as a state of helplessness can be considered as qualifying signs of crimes under Art. 131, 132, 133 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the context of the questions posed, the author touches upon the aspect of the legal structure of this phenomenon, as well as the ambiguity in determining its properties on the part of the Supreme Court of the Russian Federation. The main conclusion of the author is the conviction of the extreme flexibility of the phenomenon under consideration, as well as the need to develop its specific features, along the way including the resulting definition in the list of legislatively defined definitions of a criminal-legal nature.

For citation

Levandovskaya M.G. (2021) Ponyatie bespomoshchnogo sostoyaniya poterpevshei pri iznasilovanii [The concept of the helpless state of the victim of rape]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (10A), pp. 130-138. DOI: 10.34670/AR.2021.83.52.016

Keywords

Crime, rape, childhood, legal capacity, helplessness, victimology.

References

1. Apellyatsionnoe postanovlenie Moskovskogo oblastnogo suda № 22K-4989/2014 ot 26 avgusta 2014 g. po delu № 22K-4989/2014 [Decree of appeal of the Moscow Regional Court No. 22K-4989/2014 of August 26, 2014 in case No. 22K-4989/2014].
2. Balashov S.M. (2015) Son kak sostoyanie bespomoshchnosti [Sleep as a state of helplessness]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki* [Problems of Economics and Legal Practice], 3, pp. 104-109.
3. Bytko S.Yu. (2018) Effektivnost' predupreditelnogo vozdeistviya ugovolnogo nakazaniya na prestupnost': teoreticheskii i prikladnoi aspekty. Doct. Dis. [The effectiveness of the preventive impact of criminal punishment on crime: theoretical and applied aspects. Doct. Dis.]. Saratov.
4. Dydo A.V. (2006) «Iznasilovanie: Problemy ugovolno-pravovoi kvalifikatsii». Doct. Dis. [Rape: Problems of criminal legal qualifications. Doct. Dis.]. Vladivostok.
5. Gonova D.Z. (2021) Nekotorye problemy kvalifikatsii nasil'stvennykh polovykh prestuplenii [Some problems of

- qualification of violent sexual crimes]. *Studencheskii* [Students' journal], 26 (154), pp. 81-84.
6. Klochenko L.N. (2018) *Psikhologicheskie i pravovye osnovy ucheniya o psikhicheskom nasilii* [Psychological and legal foundations of the doctrine of mental violence]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo* [Bulletin of the Russian New University. Series: People and Society], 3, pp. 100-111.
 7. Kontanistova L.V. (2021) *Bespomoshchnoe sostoyanie kak odin iz yuridicheski znachimykh priznakov povedeniya poterpevshego* [Helpless state as one of the legally significant signs of the victim's behavior]. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki. Ekonomika, upravlenie, pravo, pedagogika, psikhologiya* [Actual problems of modern science. Economics, management, law, pedagogy, psychology]. Moscow.
 8. Mirmanova I.M., Bolonina A.V. (2020) *Son. Vliyanie sna na psikhoemotsional'noe, umstvennoe, fizicheskoe sostoyanie* [Sleeping: Influence of sleep on psychoemotional, mental, physical condition]. *Stolitsa nauki* [Capital of Science], 9 (26), pp. 9-12.
 9. Popov A.N. (2002) *Prestupleniya protiv zhizni, sovershennoe pri otyagchayushchikh obstoyatel'stvakh, otnosyashchikhsya k lichnosti poterpevshego* (pp. «b», «v», «g» ch. 2 st. 105 UK RF) [Crimes against life committed under aggravating circumstances relating to the personality of the victim (subparagraphs b, c, d, part 2 of article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. St. Petersburg.
 10. Popova A.A. (2021) *Problemy opredeleniya ponyatiya «Bespomoshchnoe sostoyanie» v kvalifitsirovannykh sostavakh prestupleniyakh protiv lichnosti* [Problems of defining the concept of helpless state in the qualified corpus delicti against the person]. In: *Aktual'nye problemy sovremennogo zakonodatel'stva* [Actual problems of modern legislation]. Moscow.
 11. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.01.1999 № 1 (red. ot 03.03.2015) «O sudebnoi praktike po delam ob ubiistve (st. 105 UK RF)»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.27.1999 No. 1 (as amended on 03.03.2015): On judicial practice in cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)].
 12. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 04.12.2014 № 16 «O sudebnoi praktike po delam o prestupleniyakh protiv polovoi neprikosnovennosti i polovoi svobody lichnosti»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.12.2014 No. 16: On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual].
 13. *Prigovor Shadrinskogo raionnogo suda Kurganskoi oblasti № 1-25/2021 1-446/2020 ot 3 marta 2021 g. po delu № 1-25/2021* [The verdict of the Shadrinsky District Court of the Kurgan Region No. 1-25 / 2021 1-446 / 2020 dated March 3, 2021 in the case No. 1-25 / 2021].
 14. *Reshenie Kanevskogo raionnogo suda Krasnodarskogo kraia № 2-1812/2020 2-1812/2020~M-1981/2020 M-1981/2020 ot 28 noyabrya 2020 g. po delu № 2-1812/2020* [The decision of the Kanevsky District Court of the Krasnodar Territory No. 2-1812 / 2020 2-1812 / 2020 ~ M-1981/2020 M-1981/2020 dated November 28, 2020 in case No. 2-1812 / 2020].
 15. *Reshenie Kashirskogo gorodskogo suda Moskovskoi oblasti -№ 2-818/2020 2-818/2020~M-605/2020 M-605/2020 ot 30 iyulya 2020 g. po delu № 2-818/2020* [The decision of the Kashira City Court of the Moscow Region -No 2-818 / 2020 2-818 / 2020 ~ M-605/2020 M-605/2020 dated July 30, 2020 in case No. 2-818 / 2020].
 16. Shikula I.R., Kostikov S.G. (2021) *Teoreticheskie i prakticheskie problemy ugovolno-pravovoi okhrany prav i svobod poterpevshego, nakhodyashchegosya v bespomoshchnom sostoyanii* [Theoretical and practical problems of the criminal legal protection of the rights and freedoms of the victim, who is in a helpless state]. Moscow.
 17. Shikula I.R. (2021) *Ugolovnaya politika v sfere ugovolno-pravovoi okhrany prav i svobod poterpevshego, nakhodyashchegosya v bespomoshchnom sostoyanii: problemy realizatsii* [Criminal policy in the field of criminal law protection of the rights and freedoms of a victim in a helpless state: implementation problems]. *Pravo i praktika* [Law and Practice], 2, pp. 76-80.
 18. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 01.07.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 22.08.2021)* [The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as revised on 01.07.2021) (as amended and supplemented, entered into force on 22.08.2021)].
 19. Varlamova N.V. (2009) *Effektivnost' pravovogo regulirovaniya: pereosmyslenie kontseptsii* [The effectiveness of legal regulation: rethinking the concept]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* [News of higher educational institutions. Jurisprudence], 1(282), pp. 212-232.